

Н.Б. Хайлова

«Я ПРИЕХАЛ В БЕРН В НЕВЕРОЯТНО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ»:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И.Н. ЕФРЕМОВА,
РОССИЙСКОГО ПОСЛАННИКА В ШВЕЙЦАРИИ В 1920–1925 гг.

Революционные события 1917 г. фактически положили конец более чем столетнему межгосударственному сотрудничеству России и Швейцарии. Всего несколько месяцев (до конца ноября 1917 г.) поверенным в делах и первым секретарем Российской миссии в Берне был посланник Временного правительства, кадровый потомственный дипломат А.М. Ону¹. В мае 1918 г. швейцарские власти сделали шаг навстречу большевикам, приняв их посланников, правда, с оговоркой, что отношения с Советской Россией «могут быть только деловыми, официально швейцарское правительство не может признать ни Советского правительства, ни его дипломатической миссии» (цит. по: [Соколов 1990, с. 143]). Лицом новой российской дипломатии стали ленинские соратники: Я.А. Берзин, полномочный представитель РСФСР в Швейцарии в период с 5 апреля 1918 по ноябрь 1918 г., его заместитель (советник полпредства) Г.Л. Шкловский, генеральный консул И.А. Залкинд. Провозгласив своими целями восстановление дипломатических, финансовых и торговых отношений со Швейцарией, а также содействие «распространению правдивой информации о России», на деле они сосредоточили свои усилия на проведении массивной коммунистической пропаганды. «Теперь больше, чем когда бы то ни было, нужно работать на мировую революцию. Сговор империалистов мы должны предупредить — мы должны вызывать немедленно революцию, где только возможно» (из письма Берзина Б.Н. Чичерину, 2 октября 1918 г.; цит. по: [Шишкин 2003, с. 92]). Всерьез обеспокоенное революцией в Германии, а также началом всеобщей стачки в Швейцарии руководство страны 12 ноября 1918 г. выдворило большевиков, предъявив им обвинение в подрывной деятельности, разжигании насилия и террора. Советско-швейцарские дипломатические отношения были возобновлены только в 1946 году. Однако в 1920–1925 гг. в Берне действовало неофициальное представительство России («миссия Ефремова»).

* * *

Иван Николаевич Ефремов (1866–1945) не был карьерным дипломатом. Он принадлежал к известной на Дону казачьей династии², прославившейся за-

¹ См. развернутые биографические сведения в конце статьи.

² Основателем рода Ефремовых считается Ефрем Петров — выходец из московских торговых людей, переселившийся на Дон около 1670 г. и занявший вскоре заметное место среди казачьих старшин. Участник военных походов Петра I, усмиритель Астраханского бунта (1705), Ефрем Петров был каз-

слугами перед русскими царями, ратными подвигами и делами общественного служения на мирном поприще. Все семь лет существования земств на Дону (с 1875 г.) председателем земского областного правления являлся правнук атамана С.Д. Ефремова Николай Николаевич Ефремов (1828–1896), избирившийся также в 1876–1881 гг. предводителем дворянства Области Войска Донского. Его сын — Иван Николаевич — отстаивал права и свободы россиян, в том числе интересы земляков, в начале XX в., в пору начавшейся трансформации самодержавия в конституционную монархию.

Успешный студент физико-математического факультета Московского университета, чьи работы обратили на себя внимание профессора Ф.А. Бредихина, И.Н. Ефремов, тем не менее, отказался от сдачи выпускных экзаменов и получения диплома, поскольку не собирался поступать на государственную службу. В 1891 г. вернувшись на Дон, Иван Николаевич не ограничился хозяйственной деятельностью в имении отца. Так, по инициативе Ефремова был учрежден ряд сельскохозяйственных обществ, причем некоторые из них избрали его своим председателем. Примечательно, что это были объединения, членами которых являлись как крупные землевладельцы, так и разделявшие с ними совместные заботы средние и мелкие хозяева — крестьяне, казаки. Одной из главных целей обществ стало внедрение и распространение на Дону передовой сельскохозяйственной культуры. По предложению Ефремова, например, в феврале 1893 г. в повестку дня деятельности Донского общества сельского хозяйства был включен вопрос об устройстве при этой организации (на частные пожертвования) опытного поля. Реализацией идеи Иван Николаевич занялся совместно с агрономом И.Д. Колесниковым (в 1894–1914 гг. — бессменным заведующим опытным полем; см.: [Краткий очерк 1894]). Первые же успехи предприятия были отмечены наградами на всероссийских сельскохозяйственных выставках: бронзовая медаль (1895, Москва), диплом 2-й степени (1896, Нижний Новгород). Петербургские чиновники и «правительственный агроном» П.М. Дубровский, посетившие Донское опытное поле в 1896 г., «высказали удивление, что Донскому обществу с столь малыми средствами удалось учредить такое солидное для края предприятие, вначале лишь на собственные средства». С 1896 г. с целью развития опытного поля Донское общество сельского хозяйства получало ежегодные субсидии от Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1897 г. — из войсковых средств. В июне 1900 г. опытное поле посетил военный министр А.Н. Куропаткин (с 1899 г. — почетный член Общества), который также «остался очень доволен достигнутыми там результатами» и пожелал казакам «вести дело так, как ведется оно на Опытном поле», поскольку «достаточно было бы казаку получить треть

нен по приказу Кондратия Булавина во время осады бунтовщиками Черкаска (1708). Его сын Данила (ок. 1690–1760) стал первым обладателем официально закрепленной фамилии (по имени отца), продолжив семейную традицию ревностного служения русским царям. Сын Д.Е. Ефремова Степан (1715–1784), войсковой атаман (с 1753 г.), в 1762 г. с отрядом донцов принял деятельное участие в дворцовом перевороте, возведшем на российский престол Екатерину II. В благодарность за оказанную помощь С.Д. Ефремов, помимо сабли с серебряной оправой, получил от новой правительницы фактически неограниченную власть на Дону. В 1772 г. он был заподозрен в сепаратизме, стремлении к автономии Войска Донского и только благодаря милости императрицы избежал смертной казни.

урожая против того, что получается на Опытном поле (урожай ржи до 180 пудов с десятины), чтобы всюду на Дону было довольство» [Исторический очерк 1913, с. 19–21]. И.Н. Ефремов стал инициатором создания на Дону «Союза мирного разрешения аграрного вопроса». Деятельную заботу проявлял он и о развитии просвещения в родном крае, в особенности начального народного образования [Денчик 2007, с. 149].

Вполне закономерным был выбор донским казачеством Ефремова в качестве своего представителя в Государственную думу I, III и IV созывов. Он заявил о себе как сторонник мирного эволюционного прогресса, став одним из лидеров центристского течения в русском либерализме (условно говоря, между кадетами и октябристами). В русле данного общественно-политического направления последовательно возникли и развивались Партии мирного обновления и прогрессистов, в деятельности которых Ефремов сыграл заметную роль. Ценности центризма он пропагандировал и как публицист, сотрудничая с «Московским еженедельником», «Русскими ведомостями», «Словом», «Русской молвой», «Отечеством» и другими изданиями. Стремление сохранять лучшие исторические традиции, сочетая их с необходимыми новациями, категорическое неприятие насильственных методов решения проблем, понимание образования и культуры, общественной солидарности и общественного самоуправления как главных двигателей прогресса — эти идеи определяли «генеральную линию» его деятельности, направленной на решение как местных вопросов (обеспечение интересов земляков-казаков), так и задач общероссийского и даже общемирового масштаба. Подобный настрой И.Н. Ефремова сблизил его с масонскими кругами. Он входил в Думскую ложу, основанную в 1912 г. Верховным советом (руководящим органом масонского союза «Великий Восток народов России») и объединявшую группу оппозиционных депутатов IV Государственной думы. В этой ложе были существенно сокращены внешние масонские формы, обрядность сведена к ритуалу приема в ложу, отсутствовала связь с французским масонством. Главную цель своей деятельности члены Думской ложи видели в сглаживании трений между думскими фракциями, чьи представители входили в ложу, а сама она рассматривалась прежде всего как важный элемент в механизме межпартийного общения, сглаживающий «изъяны» политических партий (амбициозность вождей, строгая партийная дисциплина и др.). Опыт функционирования Думской ложи подготовил условия для образования в августе 1915 г. Прогрессивного блока, в создании и работе которого И.Н. Ефремов (член Бюро) принимал активное участие [Розенталь 2006]. Прогрессисты и их соратники по блоку считали образование этого объединения «фактом большой важности, впервые наблюдаемым в России», «первым шагом на пути к правильному функционированию парламента, на пути к парламентаризму» [Доклад фракции прогрессистов 1915, с. 357].

Приоритетными задачами прогрессистов в IV Думе Ефремов считал заботу о внутреннем единстве и внешнем могуществе России, борьбу за осуществление начал Манифеста 17 октября 1905 г.; «охранение прав и достоинства законодательных учреждений»; устранение административного произвола; осуществление свободы совести; отстаивание культурного самоопределения национальных

окраин страны; расширение земского и городского самоуправления; борьбу за всеобщее обучение, реформу средней и низшей школы; подъем производительных сил страны.

Накануне и в годы Первой мировой войны Ефремов выступал с критикой правительства, поддерживал лозунг «ответственного правительства» (т. е. его ответственности перед Государственной думой). С настойчивостью известного древнеримского государственного деятеля — «Карфаген должен быть разрушен!» — лидер прогрессистов проводил мысль о необходимости реформы исполнительной власти в указанном русле [Речь И.Н. Ефремова 1915]. Он призывал к мобилизации общественных сил как для победы над внешним врагом, так и в целях внутреннего переустройства России.

Вехой в процессе сближения власти и общества призвано было стать Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства), созданное в августе 1915 г. как высший военно-регулирующий орган для мобилизации и милитаризации экономики. С августа по декабрь 1915 г. Ефремов входил в состав участников этого органа в качестве представителя Государственной думы. Редко выступая на заседаниях Совещания, Ефремов, тем не менее, занимал принципиальную позицию по ряду вопросов³. Будучи причастным к «большой» политике, он всегда был в курсе событий и на своей «малой родине», по мере необходимости отстаивая интересы земляков⁴. В целом Ефремов и его соратники по фракции прогрессистов были разочарованы в деятельности названного и других Особых совещаний при правительстве, поскольку последние на деле оказались «не высшими установлениями, лишь дающими советы и контролирующими действия правительства, а органами исполнительной власти, принимающими решения по ряду технических вопросов и участвующими в их исполнении». По словам прогрессистов, представительство Государственной думы и Государственного совета в Совещаниях являлось лишь «ширмой» для безответственного правительства. Иван Николаевич и его единомышленники вынуждены были признать, что «противоречащее самому существу законодательной власти участие ее представителей в деле управления и на практике оказалось вредным», поскольку «парализует контрольные функции законо-

³ Так, по итогам слушаний 28 октября 1915 г. вопроса о «финансовом неблагополучии» Путиловских заводов, являвшихся одним из крупнейших контрагентов военного ведомства по поставке предметов артиллерийского снабжения, Ефремов высказался против мнения большинства участников заседания, усмотревших в сложившейся ситуации наличие опасности интересам государственной обороны и выступивших за «безотлагательное производство секвестра Путиловских заводов с передачей их в казенное управление». И впоследствии он (вместе с другими членами Совещания, в том числе С.И. Тимашевым, В.И. Тимирязевым, М.А. Стаховичем, А.С. Лукомским, К.В. Некрасовым, А.И. Коноваловым и др.) настаивал на отмене постановления о секвестре [Журналы Особого Совещания 2013, т. 1, с. 378–380, 428].

⁴ В заседании 16 сентября 1915 г. Ефремов вместе с А.И. Шингаревым присоединил свой голос к протесту депутата М.С. Аджемова против действий наказного атамана Области Войска Донского, генерала В.И. Покотило, добавив к «списку» противоправных действий последнего гонения на местную печать, «расклею по городу объявлений с обвинением чинов Новочеркасского общественного управления в поступках, не доказанных по суду, и в учинении препятствий деятельности общественных организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам» [Там же, с. 280].

дательных палат, приводит к подрыву авторитета народного представительства, к возложению на него ответственности, которую оно не может нести, и подвергает его нареканиям, от которых оно должно быть свободно» [Проект заключения 1915, с. 367]. 28 ноября 1915 г. фракция прогрессистов приняла решение об отзыве своих представителей из Особых совещаний (И.Н. Ефремов, В.А. Ржевский, А.И. Новиков, А.А. Барышников и И.В. Титов).

На фоне углублявшихся противоречий между властью и обществом с конца 1915 г. Ефремов и его соратники призывали оппозицию к более решительной тактике. Поводами для этого служили, в частности: отказ царя принять депутацию из представителей московских съездов земского и городского союзов (в начале сентября 1915 г.), назначение черносотенца А.Н. Хвостова министром внутренних дел (26 сентября 1915 г.), запрет на проведение в ноябре 1915 г. съездов военно-промышленных комитетов, общегородского и общеземского союзов, отсрочка на неопределенный срок созыва Думы. В среде прогрессистов раздавались призывы к тому, чтобы «обуздать наглую власть», в связи с этим высказывалось даже мнение, что «пора поднимать народную массу» (А.И. Коновалов). 31 октября 1916 г. прогрессисты вышли из Прогрессивного блока (возражало меньшинство: А.С. Посников, граф А.А. Орлов-Давыдов и др.) в знак протеста против отсутствия в его декларации требований «ответственного министерства» и создания комиссии для расследования действий правительства, приведших к обострению внутреннего кризиса, — прежде всего продовольственной проблемы.

Констатируя ухудшение ситуации в стране на протяжении 1916 г., Ефремов в декабре того же года с трибуны Государственной думы заявил о том, что «во всю свою величину встал конфликт не Думы уже с правительством, а конфликт страны с правительством». Однако он все еще не терял надежды убедить власть в том, что единственный путь выхода из кризиса — это удовлетворение солидарного требования всей страны, а именно создание правительства, ответственного перед Думой [Речь И.Н. Ефремова 1916]. На рубеже 1916–1917 гг. прогрессисты предлагали потребовать от верховной власти немедленно даровать «ответственное правительство» и прекратить работу Думы до выполнения этого ультиматума (не были поддержаны кадетами и октябристами).

В середине февраля 1917 г. Ефремов, выступая в Думе, предупреждал о грозящей России катастрофе, при этом, по его словам, вся страна «сверху донизу, до мелких частей армии, до глухой деревни, до объединенного дворянства и правых монархистов включительно <...> глубоко прочувствовала и уяснила себе, как гибельна пропасть, образовавшаяся между народом и властью». В который раз обращая внимание на глубинные причины «бессилия правительства», лидер прогрессистов указывал на то, что «великая опасность, переживаемая Россией, заключается в отжившем, неприспособленном к требованиям времени, старом государственном строе». По словам Ефремова, перемены в правительстве, происходившие с конца 1916 г., подтвердили правоту прогрессистов, всегда настаивавших на том, что «необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей системы государственного управления, что личный режим, что пережитки самодержавия парализуют живые силы народа и что спасение в действительной

ответственности правительства перед народным представительством, создающей безответственность короны». «Стерта часть негодных грибов на гнилом дереве старого строя, но самое дерево осталось гнилым, оно не может давать хороших плодов, на нем по-прежнему будут расти только ядовитые грибы», — комментировал Ефремов убийство Г. Распутина и отстранение от должностей «нескольких политических авантюристов и чудодеев» [Речь И.Н. Ефремова 1917, с. 395–397].

Вывод лидера прогрессистов был однозначен: «бессильное правительство, подавляемое безответственными влияниями, привело Россию к катастрофе», а потому «такой деятельности правительства должен быть положен конец». Настаивая на том, что сама жизнь выдвинула на первый план «всепоглощающий вопрос о нашем государственном строе» («от его разрешения зависит возможность победного окончания войны и спасение страны от экономической катастрофы»), Ефремов был убежден, что лозунг замены личного режима парламентарным строем и создания ответственного перед Думой правительства, провозглашенный прогрессистами полтора года назад, стал фактически общим лозунгом всей страны. «Для спасения родины нам нужна честная, разумная, авторитетная власть, опирающаяся на доверие и одобрение народа, — не уставал повторять Иван Николаевич. — Без изменения правового положения правительства никакие законы, никакие мероприятия, никакие общественные организации, никакой состав правительства не смогут оказать в сколько-нибудь решительной мере своего благотворного воздействия. Все они будут парализованы старым личным режимом». Пророческими оказались слова Ефремова, произнесенные под сводами Таврического дворца накануне Февральской революции 1917 г.: «Страна все еще смотрит на Думу и ждет ее слова, но с ужасом и тревогой начинает терять веру в ее могущество. И растет число изверившихся, которые начинают уже искать путей, идущих мимо Думы. Страна накалена недовольством, а близорукая, упорная власть как будто нарочно наталкивает ее на страшный вывод о невозможности парламентскими средствами борьбы достигнуть создания ответственного перед Государственной думой правительства, от которого страна ждет спасения» [Там же, с. 396–397].

Надежды на ускорение демократизации страны Ефремов связывал с Февральской революцией. 27 февраля 1917 г. он как член думского Совета старейшин выступил за неподчинение IV Государственной думы императорскому указу о перерыве в ее работе до апреля 1917 г. Временный комитет Государственной думы (ВКГД) поручил ему приветствовать воинские части, входившие в Петроград. Ефремов был назначен комиссаром ВКГД в Министерстве внутренних дел, а 6 марта — комиссаром ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. Как и прежде, он высказывался за продолжение Первой мировой войны до победного конца, полагая, что после свержения самодержавия война стала «действительно народной». 3 марта Ефремов участвовал в совещании на квартире князя М.С. Путятина, на котором обсуждался вопрос о передаче власти великому князю Михаилу Александровичу, с 20 марта по 22 июля — входил в состав Особого комитета Фонда освобождения России (член по избранию ВКГД). Он также являлся членом комиссии, созданной Временным правительством для восстановления

основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве, членом Подкомиссии по судоустройству (конец марта 1917 г.); проявлял себя как сторонник невмешательства политики в деятельность судебных учреждений.

27 апреля 1917 г. Ефремов выступил на торжественном заседании членов Государственной думы четырех созывов, посвященном 11-й годовщине русского парламента. Вспоминая «благородную фигуру П.А. Гейдена, который умел подчинять всё только одной цели — благу отечества», оратор призывал соотечественников следовать примеру безвременно ушедшего из жизни (1907) «перводумца». В речи особо подчеркивалось, что дело Гейдена не пропало, «народное представительство не умерло», критика действий правительства, продолжавшая звучать с думской трибуны (в том числе в речах прогрессистов), «постепенно подтачивала основы, на которых стоял старый строй <...>, а упорство абсолютизма привело к дискредитированию самой идеи монархии». Отмечая роль «великой войны, напрягшей все народные силы» и ясно показавшей, «что дальше оставлять этот старый, разлагающийся строй совершенно невозможно», Ефремов заявлял, что «только этим всеобщим сознанием, в значительной мере воспитанным работой четырех Государственных дум, может объясняться та легкость, с которой совершен величайший государственный переворот», в результате которого Россия стала «самым свободным государством в мире»⁵.

С 25 мая 1917 г. Ефремов участвовал в работе Особого совещания Временного правительства по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание. Во время июльского кризиса он выступил за необходимость продолжения сотрудничества кадетов и социалистов в составе правительства. Занимая в течение четырнадцати дней (с 10 по 24 июля) пост министра юстиции, Ефремов распорядился подготовить закон, направленный против депутатов Советов в случае «захвата власти». С 24 июля по 26 августа он возглавлял Министерство государственного призрения. Являясь вторым товарищем председателя Временного правительства, председателем его Малого Совета (Совета товарищей министров), Ефремов фактически выступал в роли заместителя А.Ф. Керенского.

В середине 1917 г. Иван Николаевич отклонил предложение баллотироваться на выборах атамана Донского казачьего войска. Мотивировав свой отказ тем, что «в это трудное время во главе Войска Донского надо поставить боевого генерала, а не совершенно штатского человека», Ефремов поддержал кандидатуру генерала А.М. Каледина. Вместе с тем потомок знаменитых донских атаманов продолжал оставаться крупной фигурой в казачьем движении: член Оргбюро, председатель Общеказачьего съезда (Петроград, 23–29 марта 1917), член Оргбюро Общеказачьего съезда (Петроград, 7–18 июня), которые объединили казачество во всероссийском масштабе, способствовали созданию Союза казачьих войск с целью обеспечения интересов казачества, проведения необходимых реформ.

В период с февраля по октябрь 1917 г. И.Н. Ефремов и политические деятели его круга не оставляли попыток консолидации своих сторонников, в том числе на новой партийной основе. Так, с мая по сентябрь он (вместе с профессором

⁵ Биржевые ведомости. 1917. 29 апреля. № 16208 (утраченный вып.).

Д.П. Рузским) возглавлял ЦК Российской радикально-демократической партии, образованной весной 1917 г. при участии бывших членов фракции прогрессистов IV Думы и объявившей своей целью установление федеративной республики с президентской формой правления (печатные органы — газеты «Отечество» в Петрограде и «Свободное слово» в Москве), а в сентябре вошел в состав совместного ЦК, созданного на партийной конференции, объединившей Российскую радикально-демократическую и Либерально-республиканскую партии.

25 сентября 1917 г. Ефремов получил назначение чрезвычайным посланником и полномочным представителем Временного правительства в Швейцарии. Это событие положило предел его многолетней общественно-политической деятельности в России и стало прологом нового — эмигрантского — этапа жизни.

Важно заметить, что крутой поворот в судьбе Ефремова явился отражением радикальных перемен во внешнеполитическом ведомстве, которое после апрельского кризиса возглавил предприниматель, близкий по взглядам к прогрессистам, М.И. Терещенко. По словам современной исследовательницы Е. Мироновой, новым явлением в российском МИДе стало тогда не только назначение на посольские посты некарьерных дипломатов⁶, но и «привнесение в ранее монолитное монархически-государственное ведомство “политики”»⁷.

* * *

Начало дипломатической карьеры Ивана Николаевича Ефремова, переступившего к тому времени за полувековой жизненный рубеж, было во многом закономерным. Не последнюю роль в этом сыграли свойства его характера как политика-центриста, для которого высшей ценностью являлась общественная солидарность, а наиболее приемлемым способом решения проблем — поиск взаимоприемлемых компромиссов. Стремление к мирному решению проблем, установлению отношений доверия и гармонии было для Ефремова приоритетным в вопросах не только внутренней, но и внешней политики. Не случайно его имя как теоретика и практика пацифизма занимает видное место в истории международного движения за мир. Деятельность И.Н. Ефремова в этой сфере проходила

⁶ Послами, в частности, были назначены (наряду с Ефремовым): известный адвокат, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат I–IV Государственной думы В.А. Маклаков (Франция), крупный специалист в области гидродинамики, товарищ министра торговли и промышленности (в первом составе Временного правительства) Б.А. Бахметев (США), общественный деятель, один из организаторов Партии мирного обновления, депутат II Государственной думы, генерал-губернатор Финляндии (с апреля по сентябрь 1917 г.) М.А. Стахович (Испания).

⁷ «Ранее посольства и миссии, представлявшие в основном правительственные интересы, как признавал К.Д. Набоков, не служили для соотечественников “родным островом” в чужой земле и были отгорожены от проживавших в стране сограждан. Временное правительство поставило перед ними задачу объединять, примирять и, по возможности, направлять русские круги. Предписав им способствовать возвращению на Родину политических эмигрантов и лиц, застигнутых за границей войной, оно довершило то, начало чему было положено Первой мировой войной — выходу посольств из изоляции, оказанию помощи русским гражданам, пребывающим за границей, сотрудничеству с эмигрантской общественностью. В этот период начали закладываться основы нового стиля работы, характерного и для периода Гражданской войны, и для эпохи эмиграции» [Миронова 2000–2001, с. 122].

«по нарастающей» с 1908 г., когда он в составе зарубежной делегации российского парламента участвовал в работе XV Межпарламентской конференции в Берлине. Уже в 1909 г. во многом благодаря его инициативе и трудам была создана Русская группа Межпарламентского союза. Ефремов был избран ее председателем, войдя (наряду с М.М. Ковалевским) в руководящий орган этой международной организации, активно выступавшей с конца 1880-х гг. в поддержку арбитража и разоружения. Круг его знакомств в среде зарубежных ученых, политиков и общественных деятелей неизменно расширялся. Обширные личные связи и авторитет Ефремова обеспечили ему одну из первых ролей среди участников российской парламентской делегации, посетившей летом 1909 г. Англию и Францию⁸. Им были приняты на себя основные заботы по организации ответного визита французских народных представителей в Россию в начале 1910 г. Входил Иван Николаевич и в состав думской комиссии по приему британских парламентариев в Петербурге в феврале 1912 г.

Непосредственное живое общение и сотрудничество с западными коллегами в ходе этих визитов, а также на международных конференциях, заседаниях Межпарламентского союза Ефремов сочетал как с практической деятельностью на благо миру (председательствовал в Межпарламентской комиссии о нейтрализации проливов и межokeанских каналов, был одним из докладчиков Комиссии о мирном разрешении международных конфликтов), так и с поиском новых путей предотвращения войн. Фактически он стал пионером в теоретическом обосновании необходимости создания института международного посредничества, главная роль в котором отводилась бы не официальным представителям государств, а выборной коллегии частных лиц, пользующихся высоким моральным авторитетом. Сочувствием И.Н. Ефремова пользовались миротворческие инициативы американского миллионера Э. Карнеги, основавшего в 1910 г. Фонд за Международный мир (The Carnegie Endowment for International Peace). По приглашению П.А.Б. д'Эстурнеля де Констана, руководителя Европейского центра Фонда, он с 1912 г. представлял Россию в Совете данной организации.

Занимаясь проблемами глобальной политики, Ефремов в теории и на практике отмечал важную роль Обществ мира — «низовых» структур пацифистского движения, поскольку, по его мнению, именно эти организации (в отличие от Гаагской конференции правительственных представителей и Межпарламентского союза) «почти совершенно свободны в своей деятельности и ничто, кроме разума и науки, не ограничивает широту постановки, какую они могут давать трактуемым ими вопросам»⁹.

«Утопия ли пацифизм?»¹⁰ — задаваясь этим вопросом, Ефремов убежденно заявлял: «Пацифизм не утопия, если видеть в нем стремление проводить в международные отношения те же начала права, без уважения к которым нет ни свободы граждан, ни культуры народа. Путь к миру международному, как и к миру

⁸ По возвращении в Россию Ефремов издал книгу об этой поездке, см.: [Ефремов 1911].

⁹ ГА РФ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 1.

внутри государства, один — путь права, справедливости и свободы. <...> Подъем образованности, культуры, уважения к праву, повсеместное распространение представительного строя и демократизация государственного строя — вот условия, необходимые для успеха пацифистской пропаганды. При них мир может быть правилом, а война все более и более редким исключением»¹¹.

Первая мировая война не поколебала убеждений Ефремова-миротворца. Однако в силу обстоятельств очередной этап его международно-общественной деятельности проходил уже в эмиграции. Получив в сентябре 1917 г. дипломатическое назначение в Швейцарию, Иван Николаевич, «не предвидя ужасов последующей жизни в России», ограничил хлопоты, связанные с отъездом за границу, приведением в порядок своих частных дел и устройством приемной дочери, которую боялся подвергать риску путешествия в военное время. Примечательно, что он «не считал патриотичным переводить во время войны и революционной смуты свой капитал за границу и, кроме казенной ассигновки на дорогу, взял всего тысяч десять франков своих денег, оставив в Государственном банке около 300.000 рублей, вырученных в 1908–1910 гг. от продажи двух имений»¹².

Предстоявшая встреча Ефремова со Швейцарией не была его первым знакомством с этой страной. Еще в гимназические годы после тяжелой болезни родители увезли его на год в Монтрё. «Главное внимание было обращено на прогулки, укрепляющие легкие, — вспоминал Ефремов, — но, чтобы я не отвык от учения, отец нашел мне учителей среди тогдашних эмигрантов. Сперва мне давал уроки Зайцев, а после его смерти Плеханов. Отец, ведший с ними долгие беседы, встречаясь на прогулках, поставил условием, чтобы мне, пятнадцатилетнему мальчишке, они ничего о политике не говорили; что оба выдерживали вполне добросовестно»¹³. Впоследствии Иван Николаевич еще не раз бывал в Швейцарии, в том числе в 1899–1900 гг. во время путешествия по Европе вместе с первой женой — З.С. Иловойской, и сестрой.

Осенью 1917 г., в связи с войной, добираться в Швейцарию Ефремову пришлось окружным путем, последовательно передвигаясь из одной страны в другую (через Финляндию — в Швецию, далее — в Норвегию, оттуда — в Англию, затем — Францию). Известие о большевистском перевороте настигло его в пути, но не изменило планы, поскольку Иван Николаевич разделял широко распространенное тогда мнение, что «советская власть долго не продержится»¹⁴. Однако встретившись в Париже с В.А. Маклаковым, он отложил переезд в Швейцарию, прислушавшись к совету коллеги («лучше сейчас не ехать в Швейцарию, т. к., кажется, швейцарское правительство собирается признать советскую власть»¹⁵).

Пребывание Ефремова во Франции в связи с занятой им и его коллегами по эмигрантскому дипломатическому корпусу «старой» России выжидательной позицией растянулось на два года. Его мнение о положении дел на родине находило отражение во французских периодических изданиях, в докладах, сделанных

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–23 об.

¹² Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 44–45.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 46.

¹⁵ Там же. Л. 47.

Ефремовым по приглашению разного рода общественных и научных организаций. Однако, по его признанию, в Париже он не играл «никакой ни официальной, ни официозной роли». И только после переезда в столицу Франции бывшего российского посла в Риме М.Н. Гирса, старейшины русского дипломатического корпуса, и образования под его председательством Совещания послов, И.Н. Ефремов был приглашен к участию в этом объединении и стал получать небольшое денежное содержание. Роль Ефремова как официального посланника вскоре подтвердил и С.Д. Сазонов, прибывший в Париж в качестве «министра иностранных дел Колчака и Деникина»¹⁶. «Сазонов выдал мне часть моего содержания по должности посланника»¹⁷, — констатировал Иван Николаевич. Среди «важнейших событий» своей жизни тогда он также отмечал участие (с конца 1918 г. и в течение первых восьми месяцев 1919 г.) в Русском политическом совещании в Париже под председательством князя Г.Е. Львова. По словам современников, вплоть до своего выезда в Швейцарию в январе 1920 г. Ефремов являлся «членом Совета учрежденного при его ближайшем участии Русского Национального и Демократического блока политических организаций за границей, в котором он представлял учрежденный им в начале 1918 г. Союз возрождения России в единении с союзниками». Кроме того, имя И.Н. Ефремова было связано «с первыми русскими выступлениями в защиту идеи Общества Наций: ему обязано своим учреждением и Русское общество друзей мира, и Русское общество “Лиги наций” в Париже» [Вестник Российской торговой палаты 1920, с. 5–8].

Заметной фигурой в эмигрантской общественной жизни являлся не только сам Ефремов, но и его жена — Вера Антоновна. «С одной стороны, у нее бывали на завтраках и музыкальных утрах жена адмирала Колчака, кн. Львов, Сазонов, Маклаков, Гирс и др., с другой — она состояла председателем русской благотворительного общества, вице-председательницей которого была графиня Наталия Владимировна Игнатъева, жена военного агента Алексея Алексеевича Игнатъева. Жена моя, — вспоминал Ефремов, — заарендовала на средства Комитета дом, недалеко от Пантеона, произвела под своим руководством его ремонт и сдавала в нем квартиры для русских по чрезвычайно дешевым ценам. Среди этих квартирантов помню композитора Обухова и пианиста Завадского»¹⁸.

Спустя год после высылки советской миссии за пределы Швейцарии Гирс поручил своему бывшему сотруднику, А.П. Иорданову-Ознобишину, находившемуся в этой стране, «прозондировать почву» для приезда Ефремова. Отзыви оказались благоприятными для «оживления» русского эмигрантского представительства в Берне, до конца 1919 г. остававшегося там в составе бывших (еще царских) назначенцев — Ону и генерал-майора С.А. Голованя. В ноябре 1919 г. С.Д. Сазонов удовлетворил просьбу Ону покинуть Швейцарию и назначил на его место пасынка М.Н. Гирса, барона Константина Константиновича Таубе (1887–1939), который оставался на посту

¹⁶ Полномочия Ефремова в качестве посланника в Швейцарии были подтверждены в октябре 1918 г. Временным Всероссийским правительством (неофициальное название — «Уфимская директория», председатель — Н.Д. Авксентьев), а 28 июня 1919 г. — правительством адмирала А.В. Колчака.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

¹⁸ Там же. Л. 49.

секретаря российской миссии в Берне до 1921 г. В письмах на имя Сазонова в декабре 1919 г. Таубе также заверил, что «Федеральное правительство счастливо прибытию в Швейцарию российского представителя», подтвердил стремление швейцарских властей «устранить последние препятствия к скорейшему приезду сюда посланника» и способствовать установлению «прямых сношений Миссии в Берне не только с Парижем, но и с Таганрогом и Иркутском»¹⁹. 5 января 1920 г. барон Таубе сообщал С.Д. Сазонову даже о намерении президента Швейцарии «исправить прискорбный шаг, сделанный Федеральным правительством по отношению к национальной России в 1918 году»²⁰. Отмечалось, что единственной серьезной заботой швейцарских властей в связи с возобновлением деятельности российской миссии являлось «предотвращение нареканий местных крайних элементов»²¹.

В декабре 1919 г. Сазонов предложил Ефремову ехать в Швейцарию, а уже накануне Рождества 1920 г. его встречали в Лозанне²² барон К.К. Таубе и С.А. Головань. Через день Иван Николаевич принял российского консула в Женеве Л.Н. Горностаева, доложившего о положении дел в русской колонии. Среди первых знакомств на швейцарской земле, оставивших особый след в памяти Ефремова, — встреча с Шарлоттой Карловной Оливье²³, «русской докторшей, бывшей замужем за швейцарцем, которая стояла во главе благотворительного комитета, много делавшего для русских»²⁴. Нуждающиеся эмигранты получали помощь и поддержку также со стороны Русской церкви и различных общественных организаций (в частности, американского Красного Креста, выделявшего на помощь русским в Швейцарии вплоть до марта 1920 г. по 100 000 франков ежемесячно [Шишкин 2003, с. 96]). Тем не менее положение русских в Швейцарии незадолго до приезда туда Ефремова А.М. Ону характеризовал как «критическое»: «Русская колония в

¹⁹ В связи с этим сообщалось, что министр иностранных дел Динишер и президент Дж. Мотта были «одушевлены искренним желанием достичь восстановления добрых с нами отношений», в том числе путем возможного пересмотра постановления Федерального Совета, согласно которому Швейцария не допускала «сношений курьерами и шифром с еще не признанными правительствами» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 27 об.)

²⁰ Очевидно, имелись в виду события, связанные с постановлением швейцарского правительства о секвестре архивов посольства Российской империи от 30 мая 1918 г., принятым в разгар противостояния между советской и бывшей российской миссиями. По этому поводу А.М. Ону заявил протест в письме президенту Швейцарской Конфедерации от 31 мая 1918 г.: «Подобный акт, как нам кажется, не имеет прецедентов в международном праве и представляет собой явное нарушение общепринятого принципа экстерриториальности помещений, принадлежащих дипломатическим представительствам в зарубежных государствах». Тем не менее 10 июня 1918 г. архивы и мебель российского посольства были перевезены в административное здание Главного управления таможен в Берне, где хранились вплоть до 1946 г. [Шишкин 2003, с. 92].

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 23, 27.

²² В Лозанне Ефремов остановился в гостинице «Mirabeau» (1911), расположенной в центре города. В настоящее время — Hotel «Best Western Plus Mirabeau» 4* (31, Avenue de la Gare, Lausanne Centre).

²³ В конце 1919 г. Ш.К. Оливье была одним из посредников при переговорах представителей российской эмиграции со швейцарскими властями (в частности, министром иностранных дел Ф.-Л. Калондером) по поводу желательности (в интересах самого же правительства этой страны) «пребывания русского представителя среди многочисленной русской колонии в Швейцарии» (см.: ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 23).

²⁴ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 51.

Швейцарии насчитывает несколько тысяч человек: из них около двух тысяч пяти-сот — больные, старые, не имеющие заработка. За последние 3–4 месяца денежные переводы из России почти прекратились, и в критическом положении очутились даже лица, имеющие состояния в России. После максималистского бунта швейцарцы начали прекращать тот кредит, который в весьма ограниченном размере они открывали русским в прежнее время. Теперь русских выселяют из гостиниц, пансионов и частных квартир. Русским отказывают в продуктах первой необходимости» (цит. по: [Там же]). Наряду с организацией всевозможной помощи соотечественникам, одной из первоочередных задач миссии должно было стать также принятие энергичных мер по отправке на родину оказавшихся в Швейцарии русских солдат.

«Я приехал в Берн в невероятно трудное время, — делился своими первыми швейцарскими впечатлениями Ефремов в письме к барону М.Ф. Шиллингу, обращая внимание еще на ряд проблем. — Вы видите это по Парижу, по тому отношению, в какое становится Англия к Советской России. Здесь приходится завоевывать потерянное положение шаг за шагом с величайшей осторожностью и терпением, приходится считаться с происшедшим и еще продолжающимся обновлением Федерального правительства и рядом внутренних швейцарских вопросов, поглощающих все его внимание²⁵. Но постепенно удается достигать некоторых успехов. <...> Положение укрепляется. Я не говорю уже о том, что ко мне как посланнику с старой репутацией общественного деятеля обращаются как к авторитету различные здешние враждующие между собою русские организации и что удается группировать и объединять около Миссии действовавшие врозь и враждовавшие учреждения, как Бюро военнопленных и Управление военного агента. Различные слои русской колонии стремятся к Миссии, видя в ней центр объединения, символ единства России»²⁶. Ефремов был избран председателем Совещания, организованного в Лозанне в апреле 1920 г. по инициативе уполномоченного Российского общества Красного Креста в Швейцарии В.А. Бухгольца и посвященного вопросам оказания трудовой помощи соотечественникам, которые проживали в Швейцарии²⁷. Показательна также взаимная заинтересованность в сотрудничестве Ефремова и Российской торговой палаты в Швейцарии (учреждена 5 мая 1917 г.), избравшей посланника своим почетным председателем и членом Совета [Вестник Российской торговой палаты 1920]. Председатель Палаты Б.И. Сергеев характеризовал Ефремова как «представителя настоящей демократической России», «одного из лучших носителей русской культуры и государственности» [Там же]²⁸.

²⁵ К числу внутренних проблем относились прежде всего последствия Первой мировой войны и экономического кризиса 1920–1921 гг. (увеличение государственного долга, безработица, рост цен и др.), вызывавшие массовое недовольство жителей Швейцарии, подъем рабочего движения, рост левых настроений в социал-демократической партии.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–42.

²⁷ Подобная деятельность Ефремова и его соратников в Швейцарии подвергалась попыткам дискредитации со стороны лиц, которым, по словам В.А. Бухгольца, «поперек горла становится всякое патриотическое начинание». См.: Там же. Л. 52.

²⁸ С издателем «Вестника...» (Лозанна–Берн, 1917–1920) В.М. Фелькнером (1870–1945), финансово-коммерческим деятелем, в 1910–1920-е гг. чиновником по особым поручениям в Европе, жившим преимущественно в Швейцарии, Ефремов познакомился еще в Париже.

О решительном и оптимистичном настрое нового посланника в первые дни пребывания на швейцарской земле дает представление и письмо Ефремова, адресованное М.Ф. Шиллингу. «Как ни трудно положение вследствие неудач наших на Юге, вследствие сдержанного, чтобы не сказать более, отношения Клемансо и Ллойд Джорджа, а также вследствие затруднений здешнего денежного рынка, почва в Швейцарии несомненно благоприятна для фактического возобновления сношений. С другой стороны, именно теперь, когда положение в России так трудно, когда все антирусские и антигосударственные силы и их представители в Швейцарии подняли голову, стараются раздуть наши неудачи и спешат их использовать, именно теперь необходима, возможно, более энергичная и более авторитетная работа в Швейцарии и непосредственные сношения с местными политическими деятелями. Каждый потерянный день может лишь ухудшить положение.

Швейцарцы, по-видимому, искренно готовы идти нам навстречу, и нельзя нам самим ставить препятствия фактическому возобновлению защиты русских интересов и противодействию проискам и инсинуациям врагов России. В самом процессе совместной работы сотрутся последние шероховатости и быстро наладятся, я в этом не сомневаюсь, вполне нормальные взаимоотношения»²⁹.

16 января 1920 г. Ефремов был «чрезвычайно любезно и сердечно» принят министром иностранных дел Швейцарии П. Динишером, заявившим русскому посланнику, что «Федеральное правительство с глубокой симпатией следит за судьбой России в тяжкий период переживаемых ею бедствий, твердо веря, что великая Россия возродится». Высокопоставленный дипломат также выразил понимание того, «насколько в данное тяжелое время для русской колонии важно присутствие в Швейцарии лица, около которого русские могли бы объединиться, как около представителя родины, и в котором они находили бы моральную поддержку»³⁰. На этой встрече выяснилось, что швейцарское правительство согласно предоставить Ефремову официальный статус, аналогичный положению Маклакова во Франции. «Не вручая верительных грамот не существовавшего больше Временного правительства и не будучи внесенным в официальный список аккредитованных в Берне дипломатов, я мог сноситься с швейцарским правительством по всем делам и, главным образом, защищать интересы живущих в Швейцарии русских, не признававших советского правительства»³¹, — разъяснял Ефремов.

После одобрения подобной ситуации Сазоновым и Гирсом Иван Николаевич окончательно поселился в Берне в январе 1920 г., сразу же погрузившись в водоворот необходимых протокольных мероприятий и занявшись в первую очередь «наведением мостов» в отношениях с учреждениями, от которых непосредственно зависело решение проблем русских эмигрантов. 26 января 1920 г. Ефремов был принят президентом Швейцарской Конфедерации Дж. Мотта. «Президент обещал мне благожелательно-внимательное отношение ко всем вопросам, касающимся нужд русских в Швейцарии и интересов моей страны, которые я найду нужным ему представлять, — передавал Ефремов подробности высокой аудиенции и свои впечатления от нее в

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 35–35 об.

³¹ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

письме к С.Д. Сазонову. — Он очень интересовался положением и силою Красных армий и той опасностью, какую они представляют для Запада. Я указал ему, что численность этих армий (два миллиона), вероятно, значительно преувеличена, что для большой европейской войны снабжение армии снарядами внутри России едва ли будет возможно, но что для Кавказских республик, для Румынии и даже Польши эти армии представляют грозную силу, тем более что большевистская диктатура вступила в такую стадию, когда для удержания своего положения ей необходимы военные успехи. Я обратил также внимание Президента Конфедерации на то, что главная опасность большевизма, в особенности в случае его торжества в России, заключается в пропаганде на Западе и в соблазне, который в нем заключается для обездоленных классов населения, не *уравнять* свое положение, что им давно обещали либералы и демократы, а занять *господствующее* положение, стать на место привилегированных и богатых классов. Президент согласился, что этот соблазн действительно очень опасен, и против него западному пролетариату устоять трудно.

На вопрос о возобновлении экономических отношений с Советской Россией я указал, что считаю материальное значение решения допустить эти сношения через кооперативы преувеличенным, потому что, преодолев все технические трудности, можно снабдить приморские города, но едва ли возможно проникнуть внутрь России в силу расстроенности транспорта, поглощенного к тому же удовлетворением нужд Красной армии, но что моральное значение этой меры очень велико: она угнетающе действует на патриотические элементы в России, поднимает дух большевиков и склоняет в их пользу колеблющихся и пассивных. Президент согласился со мною и говорил, что это очень интересное освещение вопросов.

Провожая меня до двери кабинета, Президент Конфедерации сказал мне, что я всегда могу обращаться во всех случаях, когда найду это нужным, к главе Политического департамента (министру иностранных дел) г. Динишеру, так как я с ним уже знаком. Благодаря его за обеспечение таким образом непосредственных и нормальных дипломатических сношений, я сказал, что в случаях особой важности я буду просить его самого уделять мне немного своего времени, на что президент ответил: «Ну, конечно, конечно, я всегда готов Вас принять»³².

Среди серии своих визитов в самом начале дипломатической деятельности Ефремов отмечал также деловые встречи с вице-президентом Швейцарской Конфедерации Э. Шультесом, начальником Департамента (министром) юстиции и полиции Г. Хеберлином. Сразу же у него установились хорошие отношения с дипломатами из Польши, Португалии, США, Чехословакии и Франции³³. С особой

³² ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 46–47.

³³ В частности, сообщая С.Д. Сазонову об установлении контактов с иностранными дипломатами в Швейцарии, Ефремов писал: «Я был также у французского поверенного в делах г. Cliuchaut, заявившего мне, что он предоставляет себя и посольство к нашим услугам во всем, в чем они смогут быть нам полезными. Американский поверенный в делах г. Bailey, бывший в России в 1917 и 1918 годах, а потом управлявший в Вашингтоне Русским отделом Министерства иностранных дел, обратил мое внимание на то, что его правительство высылает большевиков из Штатов в большом количестве, решив вести с ними борьбу, и подчеркнул свои симпатии к антибольшевистской России. Английский посланник г. Theo Bussel подтвердил мою мысль, что если допустить проникновение Германии в Россию, то она будет щедро вознаграждена за потерю своих колоний и что нельзя рассчитывать на Польшу и в особенности на Румынию как на надежную оборону Запада от большевистского натиска» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 35 об.).

теплотой Ефремов вспоминал сербского представителя И. Иовановича, заявившего русскому коллеге при первом же знакомстве: «Помните, что в сербском посольстве Вы на сербской территории, т. е. у себя дома»³⁴. Вообще, по словам Ефремова, они с женой были приняты всем дипломатическим корпусом «как равные: никто ни разу не дал нам почувствовать неловкости нашего неофициального положения»³⁵.

Вера Антоновна Ефремова в немалой степени способствовала сближению своего супруга со швейцарским обществом (местными «патрициями»), неохотно принимавшим в свою среду иностранных дипломатов. Она организовала и возглавила благотворительные «кружки швейцарских дам для помощи русским детям» в Берне и Женеве. Подчеркивая насущную необходимость и эффективность этой деятельности, Ефремов отмечал: «Русские дети учились в швейцарских школах, шли в них в числе лучших учеников, но забывали русский язык, не знали русской литературы, русской истории и географии. Вера Антоновна организовала русские курсы в Женеве и Лозанне, однако в последней было очень мало русских детей, почему вторые курсы пришлось закрыть. Русские дети чрезвычайно охотно посещали эти курсы и делали очень быстрые успехи, здесь же священник Женевской русской церкви, о. Сергей Орлов, преподавал им Закон Божий. Когда мы уезжали из Швейцарии через пять лет, дети были неузнаваемы: это были не ошвейцаренные дети, а настоящие русские, сознательно любящие далекую родину»³⁶.

По воспоминаниям Ефремова, при нем деятельность русской миссии в Берне сосредоточивалась в основном на заботе о русских, проживавших в Швейцарии, — «работе скорее консульского характера, лежавшей, главным образом, на вице-консуле Николае Викторовиче Седове». Секретарские обязанности после отъезда в 1921 г. в Париж барона К.К. Таубе выполнял Б.С. Серафимов. «Федеральное правительство разъяснило кантональным правительствам, что они должны признавать законными все бумаги, касающиеся русских, исходящие из “Миссии Ефремова” (а не Российской миссии), как было сказано в виденной мною бумаге. Так Федеральное правительство обошло трудность признания законными документов, исходящих от агента несуществующего правительства»³⁷, — приво-дил Ефремов дополнительные разъяснения своего статуса, не укладывавшегося в рамки обычной дипломатической практики.

Наряду с факторами международной политики, а также многообразием разноречивых проблем русской колонии в Швейцарии, которые предстояло решать в

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 52. Ефремов называл встречу с греческим и сербским посланниками в январе 1920 г. одним из первых своих успехов на дипломатическом поприще: «Оба долго развивали мне мысль о том, как России необходимо в данное время привлечь к себе (и что это надо было сделать давно) всех инородцев и молодые соседние государства искренним и определенным признанием прав народов на автономию и даже независимость, только так-де можно победить большевиков, а впоследствии, когда восстановится порядок в свободной России, то все окружающие ее народцы сами воссоединятся с ней. Потом оба чрезвычайно радушно просили меня бывать у них запросто, а серб повторял: “Помните, что этот дом — Ваш дом, что эта Миссия — Ваша Миссия, и когда бы что бы Вам ни было нужно, обращайтесь и найдете полную поддержку. Для нас, сербов, Россия — тоже родина”» (Там же. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–41 об.).

³⁵ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 53.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 56.

обстановке накала политических страстей, — трудности в деятельности Ефремова были связаны с крайней ограниченностью «человеческих ресурсов» — сотрудников «миссии», и в еще большей степени — с изначально скудным финансированием российского представительства³⁸. Причем, по его словам, «средства, которыми располагал М.Н. Гирс, всё уменьшались». Показательно, что полное по штату содержание посланника Ефремов получил только в первый месяц своей службы, впоследствии его жалованье составляло половину, треть, а последние месяцы пребывания в должности лишь четверть установленной суммы. В 1923 г. Гирс прислал в Женеву бывшего посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича особым представителем при Лиге Наций. Что касается Ефремова, то он в конце 1924 г. был уведомлен Гирсом об отсутствии средств на дальнейшее содержание российской миссии в Швейцарии. В начале апреля 1925 г. Ефремов был вынужден покинуть страну. «Правительство выразило искреннее сожаление по этому поводу, — вспоминал он, — так как с моим отъездом все заботы о русских в Швейцарии переходили к нему»³⁹.

Дальнейшее «трудоустройство» Ефремова на новом месте жительства, в Париже, было обусловлено его личными связями «по линии» Лиги Наций (профессор Рейнольд, член Комитета интеллектуальной кооперации при Совете этой организации) и Европейского центра Фонда Карнеги (П.-Э. Аппель, ректор Сорбонны). Благодаря протекции своих знакомых он был принят в штат создававшегося тогда Института интеллектуальной кооперации (исполнительного органа одноименного Комитета, существовавшего при Лиге Наций). «Все более или менее ответственные места в Институте распределялись между представителями государств, членов Лиги Наций, и мне, эмигранту-апатриду, могли предложить лишь место прикомандированного, с содержанием в 500 фр. в месяц, — вспоминал Ефремов. — Я, конечно, принял и это место. Моим ближайшим начальником был Раймонд Вейс, сын моего товарища по Совету Карнеджи, известного учено-международника Андрея Вейса. Почти одновременно Центральное Управление Учреждения Карнеджи предложило мне место постоянного корреспондента по русским делам с содержанием в 1000 фр. в месяц. Такие корреспонденты были уже от десятка европейских стран. Через год мое содержание по Институту интеллектуальной кооперации было повышено до 1000 фр. в месяц, а еще позже я получил звание «редактора первого класса» с содержанием в 1500 фр. в месяц»⁴⁰. Однако в 1930 г. в Институте произошли сокращения «из соображений экономии», и Ефремов попал в число уволенных младших служащих, поскольку за него «не могло замолвить словечко никакое правительство». Практически сразу ему была предложена должность библиотекаря в читальне при Европейском центре Фонда Карнеги — с тем же содержанием (1500 фр. в месяц), которое он получал в Институте, и сохранением места постоянного корреспондента Фонда (при

³⁸ По приезде в Швейцарию Ефремов сообщал в Париж, что главным препятствием для установления регулярной связи с Сибирью и Югом России являлось крайне недостаточное финансирование российского представительства, так как «телеграмма в 30 слов в Иркутск стоит около 200 фр., а канцелярские средства миссии, как оказывается, составляют по штату всего-то 300 фр. На посылку же курьеров средств нет совсем» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 29).

³⁹ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 56–57.

⁴⁰ Там же. Л. 57–58.

Главном управлении этой организации в Вашингтоне). Продолжая совмещать научную и общественно-политическую деятельность, И.Н. Ефремов по возвращении в Париж в 1925 г. вступил в Конституционно-демократическую партию, а немного позднее — в Республиканско-демократическое объединение, занимавшееся в основном издательской деятельностью.

* * *

Учреждение в январе 1920 г. Лиги Наций в Женеве и перевод туда же руководящих структур Межпарламентского союза придали новый импульс усилиям Ефремова-миротворца. Он стал одним из учредителей Русской (эмигрантской) ассоциации Лиги Наций и товарищем (заместителем) ее бюро, являлся активным участником дискуссий по актуальным проблемам межгосударственных отношений. В частности, в конце 1920 г. он заявлял, что «нельзя решать без России» вопрос о включении в число членов Лиги Наций бывших российских территорий (Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы). Кстати, впоследствии он не исключал того, что именно его мнение повлияло на некоторую отсрочку окончательной резолюции⁴¹. Спустя почти год, в сентябре 1921 г., в ходе поиска решения польско-литовского конфликта (по поводу государственной принадлежности Виленской области) Ефремов был в числе тех, кто обратил внимание бельгийского дипломата П. Химанса, докладчика Лиги Наций по данному вопросу, на «русскую точку зрения на польско-литовские отношения в их историческом развитии»⁴², предвидев неприемлемость для Литвы отторжения указанной области.

Как член Комитета интеллектуальной кооперации (прообраза ЮНЕСКО), образованного в 1922 г. при Совете Лиги Наций (штаб-квартира в Лозанне), Ефремов способствовал оказанию помощи русским ученым-беженцам. Именно к нему обратились по данному вопросу профессор А.С. Ломшаков, а несколько позже профессор А.Н. Анцыферов. В результате посредничества знакомого Ефремова, профессора Бернского университета графа де Рейнольда, представителя Швейцарии в Комитете интеллектуальной кооперации, удалось тогда достать «довольно крупную сумму денег» для поддержки эмигрантской научной общественности⁴³.

Общение с широким кругом единомышленников, среди которых по-прежнему было немало известных ученых и влиятельных политиков, неизменно убеждало Ефремова в своевременности углубленной теоретической разработки и «вживления» в международную политику миротворческих практик. Стимулом для возобновления работы над проектом международного посредничества стали его встречи в Женеве со «старым приятелем» норвежцем К.Л. Ланге, генеральным секретарем Межпарламентского союза (с 1909 г.). Ланге сообщил о «сочувственном» отзыве немецкого профессора международного права В. Шюкинга по поводу идеи Ефремова об организации международного посредничества (медиации)

⁴¹ Латвия, Литва и Эстония были приняты в Лигу Наций в 1921 г.

⁴² Ефремов вспоминал, что вместе с ним в разговоре с П. Химансом по данному вопросу участвовали находившиеся тогда в Женеве П.Н. Милоков, А.Н. Мандельштам, Ф.И. Родичев «и, кажется, Н.И. Астров» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 55).

⁴³ Там же.

при помощи частных лиц. «Эта оценка моей работы выдающимся ученым и политиком дала мне смелость заняться развитием и углублением основных положений, изложенных мною в проекте, представленном Межпарламентскому союзу в 1912 году», — вспоминал Ефремов. На основе текстов договоров примирительного производства, заключенных США, Швейцарией и другими государствами начиная с 1913 г., он преобразовал свой прежний замысел в «проект учреждения Мирового Института Примирительного производства, члены которого должны избираться Лигой Наций, при участии государств, не состоящих ее членами»⁴⁴. При поддержке Фонда Карнеги информация о новой миротворческой инициативе Ефремова получила широкое распространение, в том числе благодаря циклу его лекций, организованных в 1926–1928 гг. в Сорбонне, Академии международного права (Гаага), Франко-русском институте (Париж). Статьи Ефремова публиковались в крупнейших французских, швейцарских, бельгийских журналах, посвященных вопросам международного права. Итоговый характер имел трехтомный труд ученого и политика о договорах примирительного производства [Ефремов 1932], получивший, по словам автора, «блестящие» отзывы.

Признанием научных заслуг И.Н. Ефремова стало не только его вступление в 1926 г. в Русский академический союз во Франции, но и членство во французском Обществе сравнительного законодательства, американском Обществе международного права, избрание членом-корреспондентом Института сравнительного законодательства в Мексике. В 1927 г. он был приглашен в число учредителей Международной дипломатической академии в Париже — объединения действующих и бывших дипломатов, призванного изучать вопросы международного права и дипломатических отношений. В начале 1930-х гг. Ефремов с нескрываемой радостью узнал о том, что его идеи были положены в основу проекта создания панамериканского органа примирительного производства, разработанного перуанским дипломатом В. Мауртуа.

Как всегда не довольствуясь теоретической разработкой волновавших его вопросов и стремясь к апробации своих миротворческих инициатив, Ефремов в 1932 г. вел кампанию «в пользу фактического обращения государств к комиссиям примирительного производства». «Международные отношения достаточно напряжены», — констатировал он, предупреждая, что «есть немало международных споров, грозящих серьезнейшими осложнениями, а правительства оставляют без работы комиссии, ими учрежденные (к тому времени, по словам Ефремова, «в числе пятисот». — Н.Х.), которые могли бы уладить самые сложные разногласия и даже столкновения»⁴⁵. При этом Ефремов обратился прежде всего к лично ему знакомым главам государств — Дж. Мотта (Швейцария), Т. Масарику (Чехословакия)⁴⁶, Э. Эррио (Франция), а также

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 59–60.

⁴⁵ Там же. Л. 62.

⁴⁶ «Масарик был у меня в Петрограде уже во время <Первой мировой> войны», — вспоминал Ефремов. Еще раньше судьба свела его в Петербурге с К. Крамаржем, первым премьер-министром независимой Чехословакии (1918–1919), с которым он встречался и в эмиграции в Париже (еще до отъезда в Швейцарию), где тогда же познакомился с Э. Бенешем, одним из организаторов (в 1916 г.) Чехословацкого национального совета — прообраза правительства будущего государства, министром иностранных дел (1918–1935), премьер-министром (1921–1922). См.: Там же. Л. 50.

ко всем национальным группам Межпарламентского союза, национальным ассоциациям Лиги Наций и национальным комиссиям интеллектуальной кооперации, одной из главных задач которых являлось изучение вопроса о так называемом «моральном разоружении», т. е. примирении и сближении народов. «Я предлагаю всем этим организациям привлечь внимание своих правительств к пользе, которую можно извлечь из обращения к комиссиям примирительного производства, и просить правительства испытать на деле работу этих комиссий», — разъяснял И.Н. Ефремов свои цели. Радуюсь сочувственным откликам, он вместе с тем подчеркивал неоднозначное отношение к своим идеям («различного рода сомнения» и даже непонимание сути предложенного им способа решения международных споров). Все это еще больше убеждало его в необходимости продолжения теоретической работы в указанном направлении и пропаганды идей пацифизма⁴⁷.

К сожалению, научно-публицистическое наследие Ефремова периода эмиграции, включающее также статьи 1920–1930-х гг., посвященные анализу ситуации в СССР (советская внешняя политика, мероприятия большевиков в экономической и церковно-религиозной сфере, реформа образования в Советском Союзе и др.), до сих пор остается, как правило, за пределами внимания отечественных исследователей его биографии⁴⁸. Белым пятном являются обстоятельства жизни Ефремова в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. Утраченной оказалась информация о месте его захоронения в Париже в январе 1945 г.

Можно только предположить, что опыт пережитой Ефремовым на склоне лет второй (на его веку) мировой войны стал для него тяжелой драмой. «Следует ли заключить отсюда, что идеи пацифизма оказались ошибочными или несостоятельными по существу?» — вспоминается в связи с этим вопрос, которым еще в 1913 г., по мере обострения международной ситуации, задавался Л.З. Слонимский, один из ведущих обозревателей умеренно-либерального журнала «Вестник Европы», близкого по направлению ко взглядам Ефремова. «Конечно, ничего подобного утверждать нельзя, — заявлял журналист. — Война остается явлением столь же возмутительным и ужасным, сколько и нелепым и безнравственным. Постоянный и прочный мир, регулируемый известными договорными обязательствами, есть то нормальное состояние, на которое имеют право рассчитывать народы, окруженные не разбойничьими племенами, а мирными, трудящимися соседями». Вместе с тем Слонимский считал серьезным просчетом пацифистов игнорирование коренных политических вопросов, связанных с «традиционным культом войны и с преобладающей ролью постоянных армий в жизни народов». В конечном итоге публицист приходил к неутешительному (до сих пор не утратившему актуальности) выводу: «Настойчивая и многолетняя проповедь миролюбия не предупреждает и не ослабляет внезапных воинственных порывов, толкающих государства на путь страшных столкновений и катастроф. <...> Вооружения продолжают <...> независимо от каких бы то ни было идей, под влиянием разнообразных моментов династического и военного честолюбия, причем на долю армии выпадает роль самодовлеющей силы, развивающейся с последовательностью стихийного процесса. Пацифизм

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 63.

⁴⁸ Публикации Ефремова в эмигрантский период см. в кн.: [Levak 2010, p. 23, 116–118].

почти не затрагивает этих существенных сторон вопроса о мире и войне, и потому он до сих пор обречен на бессилие» [Слонимский 1913, с. 385–388].

Тем не менее опыт миротворческой и дипломатической деятельности Ефремова, в том числе в швейцарский период его жизни, несмотря на скромные (во многом связанные с объективными причинами) результаты, является одним из многочисленных подтверждений мысли о значимой роли личности в истории, — мысли, помогающей надеяться на «просветы» в будущем человечества. «Сложно оценить и переоценить то, что сделали дипломаты, каждый на своем посту и система в целом для русской эмиграции. Совету послов удалось разбудить общественное мнение Европы, привлечь внимание правительств разных стран, Лиги Наций к проблеме русской эмиграции. Они приняли на себя переговоры о приеме беженцев в странах, заботились об обеспечении нуждающихся документами, пособиями, боролись за предоставление им права на труд, <...> участвовали в решении вопросов организации русских общин в разных странах, получения детьми беженцев национального образования, помощи инвалидам, — жили общей жизнью с эмиграцией» [Миронова 2000–2001, с. 141–142] — в этих словах и признание исторических заслуг И.Н. Ефремова.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Вестник Российской торговой палаты 1920 — Вестник Российской торговой палаты в Швейцарии (Лозанна). 1920. 20 июня. № 5.

Денчик 2007 — Денчик И.В. И.Н. Ефремов в борьбе за мирное обновление России // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 149–155.

Доклад фракции прогрессистов 1915 — Доклад фракции прогрессистов «О тактике фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в Особые Совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока» (сентябрь 1915 г.) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 344–358.

Ефремов 1911 — Ефремов И. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. СПб., 1911.

Журналы Особого Совещания 2013 — Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. Т. 1: 1915. М., 2013.

Исторический очерк 1913 — Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет (18 января 1889 — 18 января 1914 гг.). Новочеркасск, 1913.

Краткий очерк 1894 — Краткий очерк деятельности русских опытных полей и проект организации Донского опытного поля: Доклад И.Н. Ефремова, читанный в общем собрании членов Донского общества сельского хозяйства (в феврале 1894 г.). Новочеркасск, 1894.

Миронова 2000–2001 — Миронова Е. Дипломатия белой России: От императорского МИДа к Совету Послов русского Зарубежья // ROSSICA: науч. исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2000–2001. Кн. V–VI. С. 119–142.

- Проект заключения 1915 — Проект заключения по вопросу об участии прогрессистов в работе Особых Совещаний при правительстве, подготовленный фракцией прогрессистов к публикации в печати (30 ноября 1915 г.) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 365–368.
- Речь И.Н. Ефремова 1915 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 19 июля 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 336–339.
- Речь И.Н. Ефремова 1916 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 13 декабря 1916 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 388–389.
- Речь И.Н. Ефремова 1917 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 14 февраля 1917 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 395–399.
- Розенталь 2006 — *Розенталь И.С.* Думская ложа // Государственная дума Российской империи. Энциклопедия 1906–2006: в 2 т. Т. 1: 1906–1917. М., 2006. С. 184–185.
- Слонимский 1913 — *Слонимский Л.* Пацифизм и война // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 383–388.
- Соколов 1990 — *Соколов В.В.* Я.А. Берзин — дипломат, государственный деятель // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 140–159.
- Шишкин 2003 — *Шишкин М.* Русское представительство в Берне. История нескольких документов из цюрихских архивов // «Мой знак пред жизнью — вереск гор...»: Русская эмиграция в архивах Швейцарии / сост. Е.Л. Кудрявцева, Г. Риггенбах; ред. В. Янцен. М., 2003. С. 88–96.
- Efremov 1932 — *Efremov I.N.* Les Traités internationaux de conciliation: in 3 vols. Paris, 1932.
- Levak 2010 — *Levak L.* Russian émigrés in the intellectual and literary life of interwar France: bibliographical essay. Montreal, 2010.

Биографические сведения

- Анцыферов Алексей Николаевич** (1867–1943) — экономист, теоретик кооперации. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. участвовал в организации Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге, возглавлял (до 1925 г.) его Совет. Председатель (с 1922 г.) Русской академической группы в Париже. Один из создателей и руководителей Русского народного университета в Париже (1921), Русского института права и экономики при Парижском университете.
- Берзиньш-Зиемелис Ян Антонович** (Ян Антонович Берзин, латыш. Jānis Bērziņš-Ziemelis; 1881–1938) — член РСДРП с 1906 г., с марта 1918 по март 1919 г. — кандидат в члены ЦК РКП(б), в 1919–1920 гг. — член Исполнительного комитета Коминтерна, впоследствии управляющий Центральным архивным управлением СССР и РСФСР, член ЦИК и ВЦИК СССР. Расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.
- Гирс Михаил Николаевич** (1856–1932) — потомственный карьерный дипломат (сын Н.К. Гирса, министра иностранных дел в 1882–1895 гг.), посол в Турции (1912–1914), посланник в Италии (1915–1917). После Октябрьской революции 1917 г. как старейший из оказавшихся за рубежом послов в 1919–1920 гг. входил в состав Политического совещания в Париже, возглавлял Совет послов.

Головань Сергей Александрович (1872–1927) — военный агент Генерального штаба в Швейцарии (назначен вскоре после начала Первой мировой войны).

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант Генерального штаба, временно исполняющий обязанности верховного правителя России (4.1–4.4.1920).

Динишер Поль (Dinichert; 1878–1954) — дипломат, с 1 января 1920 г. занимал пост министра иностранных дел Швейцарии.

Ефремова Вера Антоновна (урожд. Милио) — уроженка г. Николаева, вторая жена Ефремова (с 1917 г.).

Завадский Василий Васильевич (1899–1954) — композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик. В период эмиграции до приезда в США (в мае 1924 г.) гастролировал по европейским странам с оркестром.

Зайцев Варфоломей Александрович (1842–1882) — публицист и литературный критик, в 1863–1865 гг. один из основных сотрудников журнала «Русское слово». Был арестован в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II (1866). В 1869 г. эмигрировал, работал в итальянской секции I интернационала. В 1877–1882 гг. сотрудник и один из редакторов журнала «Общее дело» (Женева). За острые политические памфлеты против царизма, «охранителей» и либералов был прозван «русским Рашфором». Скончался в январе 1882 г. в Швейцарии (Кларан, рядом с г. Монтрё).

Залкинд Иван Абрамович (1885–1928) — член РСДРП с 1903 г., с 1908 г. — в эмиграции, вернулся в Россию после Февральской революции, участник большевистского переворота в Петрограде в октябре 1917 г., один из организаторов НКВД РСФСР.

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954) — граф, генерал-майор, дипломат, с марта 1912 г. — военный атташе во Франции. Жена: Игнатъева Наталья Владимировна (урожд. Бостунова; 1886–1956) — танцовщица, переводчик. Жила в Париже с 1904 г.

Иловайская Зинаида Степановна (1870 — весна 1915) — дочь Степана Павловича Иловайского (1833–1901) и Капитолины Степановны Иловайской (урожд. Венедиктовой), троюродная сестра И.Н. Ефремова, жена (с 1896 г.).

Иловайская Мария Константиновна, младшая дочь брата первой жены Ефремова (Иловайской Зинаиды Степановны) — Константина Степановича Иловайского, состоявшего в браке с Надеждой Евгеньевной (урожд. Кондратьевой). В 1923 г. арестована при попытке нелегального перехода границы с целью попасть в Швейцарию, где в то время находились ее приемные родители; приговорена к трем годам ссылки. См.: ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 155. Л. 21, 49, 60.

Иванович Иован (Јовановић; 1869–?), сербский дипломат.

Иорданов-Ознобишин Александр Павлович (1889–1966) — секретарь посольства в Риме (при М.Н. Гирсе). В эмиграции жил в Швейцарии.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — адмирал, верховный правитель России (18.11.1918–4.1.1920).

Колчак Софья Федоровна (урожд. Омирова; 1876–1956) — жена адмирала А.В. Колчака (брак с 5.3.1904). В эмиграции жила во Франции.

Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960) — инженер, общественный деятель. В эмиграции жил в Праге (с 1921 г.), один из инициаторов «Русской акции», вел переговоры с правительством Чехословакии о принятии русской молодежи в вузы этой страны, занимался организацией помощи российским ученым-эмигрантам. Председатель Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии, председатель Русской академической группы.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, общественно-политический деятель, председатель Временного правительства (1917). В эмиграции во Франции, председатель Российского земско-городского комитета за границей (Земгор), в 1920 г. организовал «Биржи труда» для беженцев из России.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — адвокат, политический деятель. В июле 1917 г. назначен Временным правительством послом России во Франции, прибыл в Париж на другой день после октябрьского переворота в Петрограде. 17 ноября 1917 г. по распоряжению наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого лишен звания посла (формально сохранял дипломатический статус до 1924 г.). В конце 1919 г. вошел в состав Русского политического совещания в Париже, товарищ (заместитель) председателя Совещания послов.

Мотта Джузеппе (Giuseppe Motta; 29.12.1871–23.1.1940) — президент Швейцарской Конфедерации в 1920 г. (впоследствии занимал этот пост в 1927, 1932 и 1937 гг.), возглавлял швейцарскую делегацию в Лиге Наций.

о. Сергей Орлов (Орлов Сергей Иванович; 31.10.1864–20.11.1944) — протопресвитер, в 1905–1944 гг. настоятель храма Воздвижения Креста Господня в Женеве, также служил в православной церкви в г. Вёве, основатель православных приходов в Берне и Цюрихе.

Обухов Николай Борисович (1892–1954) — композитор, теоретик музыки, один из первых создателей электроакустических музыкальных инструментов. В эмиграции жил во Франции.

Оливье Шарлотта Карловна (урожд. Майер; 1864–1945) — врач, общественный деятель. Получила медицинское образование в Лозаннском университете (учитель — Цезарь Ру), замужем (с 1901 г.) за швейцарским гражданином, доктором Эженом Оливье (Olivier; ?–1955). В 1911–1925 гг. возглавляла противотуберкулезный диспансер в Лозанне. В период Первой мировой войны основала Комитет русской колонии в Лозанне, оказывала материальную и врачебную помощь неимущим эмигрантам.

Ону Андрей Михайлович (1881–1950) — выходец из старинного молдавского рода, с 1902 г. на службе в МИДе (с 1914 г. — второй секретарь канцелярии). После Февральской революции 1917 г. назначен Временным правительством поверенным в делах в Швейцарии, уволен 26 ноября 1917 г. приказом наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого, однако до ноября 1919 г. продолжал жить в Швейцарии, затем переехал во Францию. Похоронен в г. Кламар (Clamart) под Парижем, на местном кладбище. Его отец, Михаил Константинович Ону (1835–1901), и братья Александр (1865–1935) и Константин (1875–1950) также были дипломатами.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — мыслитель, публицист, революционер, один из основателей РСДРП, идеологов и лидеров меньшевизма. Работал в организа-

ции «Земля и воля», а после ее раскола возглавил (осенью 1879 г.) новую народническую организацию «Черный передел», делавшую ставку на продолжение агитации в рабочей и крестьянской среде. В январе 1880 г. под угрозой ареста уехал за границу (жил в основном в Швейцарии). В начале пребывания в Швейцарии Плеханов с женой, Розалией Марковной, жили то в Женеве, то в Божи под Клараном. Жена училась на врача, а сам Плеханов подрабатывал уроками.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг. В середине декабря 1918 г. выехал в Париж, в Россию больше не вернулся. В 1919 г. — министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина, их официальный представитель в Русском политическом совещании (Париж).

Серафимов Борис Саввич (1882 — не ранее 1940) — дипломат, секретарь российского посольства в Константинополе (с 1914 г.), в 1917 г. прикомандирован к миссии в Берне, позднее — поверенный в делах деникинского правительства в Константинополе, затем — опять на дипломатической работе в Швейцарии. Впоследствии жил в Болгарии.

Сербинова Ульяна Николаевна (урожд. Ефремова; 1867–?) — член Донского окружного управления Российского общества Красного Креста, глава Новочеркасского дамского отделения Общества попечительного о тюрьмах; сестра И.Н. Ефремова. Муж (с 1899 г.) — Сербинов Порфирий Иванович — действительный статский советник, деятель Новочеркасского городского общественного управления (гласный городской думы, член комиссий — школьно-просветительной, а также о пользах и нуждах города), неперменный член областного статистического комитета, член Окружного по крестьянским делам присутствия, почетный мировой судья Съезда мировых судей Черкасского судебно-мирового округа, член комитета Общества для пособия бедным Донским учащимся (г. Новочеркасск), председатель Донского отдела Российского общества покровительства животным.

Хеберлин Генрих (Heinrich Häberlin; 6.9.1868–26.2.1947) — в 1920–1934 гг. член Федерального совета (1920– 1934), начальник Департамента (министр) юстиции и полиции Швейцарии.

Шиллинг Маврикий (Морис) Фабианович (1872–1934) — барон, в 1911–1916 гг. директор канцелярии Министерства иностранных дел. В 1917 г. уехал из России в Лондон, затем жил в Париже, где сохранял влияние в эмигрантских дипломатических кругах, пользовался доверием С.Д. Сазонова.

Шкловский Григорий Львович (1875–1937) — член РСДРП с 1898 г., делегат II съезда партии (1903). В 1909 г. из ссылки бежал в Швейцарию, где оставался до июля 1917 г., секретарь Бернской группы большевиков, участник Базельского конгресса II интернационала (1912), Бернской конференции (1915). В 1919–1925 гг. — на службе в органах Наркомата иностранных дел. Член ЦК ВКП(б) (1925–1927), исключен по обвинению в троцкизме. Впоследствии работал в сфере химико-фармацевтической промышленности. Расстрелян в 1937 г.

Шульгес Эдмунд (Edmund Schulthess; 2.3.1868–22.4.1944) — член Федерального совета (1912–1935), вице-президент (1920), президент (1921, 1928, 1933) Швейцарии.